

MAIN STREET

Коллекция «Скарлет»

Ранее в серии MAIN STREET
вышли

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Арментроут. ОБСИДИАН

Дженнифер Арментроут. ОНИКС

Дженнифер Арментроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Дженнифер Арментроут. ОПАЛ

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ

Ава Деллайра. ПИСЬМО НА НЕБЕСА

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Арментроут. ЖДУ ТЕБЯ

Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ

САМАНТА ТΟΥΛ

**БЕГСТВО
К ЛЮБВИ**



Москва
АСТ

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т63

Samantha Towle
TROUBLE

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Trident Media Group, LLC
и Andrew Nurnberg

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Тоул, Саманта.

Т63 Бегство к любви: роман / Саманта Тоул ; [пер. с
англ. И. Новоселецкой] — Москва : АСТ, 2015. —
384 с.— (Серия MAIN STREET : Коллекция «Скарлет»)

ISBN 978-5-17-090461-7

Миа Монро убегает. Убегает от человека, который ни в
каком случае не должен ее найти. Убегает от прошлого, о ко-
тором никто не должен узнать. В надежде обрести будущее,
о котором еще вчера даже не смела мечтать.

Джордан Мэтгюз любит, чтобы не было сложностей.
Девушек без претензий, отношения без обязательств. И он
именно тот, от кого Мии стоит держаться как можно даль-
ше: гиперсексуальный, покрытый татуировками красавчик
и профессиональный игрок.

Когда ты бежишь, главное правило: не оставиваться,
тебя обязательно поймают!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2013 by Samantha Towle
© Новоселецкая И., перевод на русский
язык
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2015

ISBN 978-5-17-090461-7

*Тем, чьи страдания остались незамеченными...
Вы никогда не были одиноки.*

ПРОЛОГ

Мия

— Мне очень жаль, Мия. Он скончался.

— Умер? — уточняю я одеревенелыми губами.

Доктор Соломон, с выражением печали на лице, трогает меня за руку.

— Да. Соболезную.

Мышцы моего лица онемели — окаменели. Пожалуй, и слава богу. Незачем ему видеть, что я на самом деле чувствую.

Восторг. Радость. Полнейшее, тотальное невероятное облегчение.

Оливер умер.

Мне хочется смеяться.

— Мия, вам нехорошо? Может, присядете?

Доктор Соломон берет меня за плечо, подводит к одному из пластиковых стульев в приемной.

Даже не верится, что Оливера больше нет.

Меня распирает от радости и облегчения.

— Можно воды? — прошу я доктора Соломона.

— Конечно.

Он выходит из комнаты. Я рада, что на время осталась одна.

Оливера больше нет.

Я свободна.

Свободна.

Я обхватываю себя руками, крепко обнимаю.

Меня переполняет... возбуждение... Или расслабленность... Пожалуй, и то и другое одновременно.

Наверно, я должна испытывать скорбь, ведь я потеряла отца.

Но, если честно, я не горюю. Ничуть.

И рада этому.

Я счастлива.

Потом я чувствую, как с моими губами что-то происходит.

Нечто такое, чего не случалось очень давно. Во всяком случае, по-настоящему. Они раздвигаются в улыбке.

Я прикладываю палец к губам.

Действительно: естественная, искренняя улыбка.

У двери какое-то движение — доктор Соломон.

Усилием воли я скрываю улыбку, принимая безучастный вид.

Доктор Соломон садится рядом, дает мне пластиковый стаканчик с ледяной водой. От соприкосновения пальцев с холодом я вздрагиваю.

Он кладет руку мне на плечо, ободряюще стискивает его. Наверно, думает, что я все еще нахожусь в шоке.

Мне хочется скинуть его ладонь. Ненавижу, когда меня трогают. Ненавижу прикосновение мужских рук.

— У вас есть кто-то, кому можно позвонить? — спрашивает он.

К чему этот вопрос? Он же знает, что родных и близких у меня нет. Оливер был моим единственным родственником.

Я качаю головой.

— Мужайтесь, все будет хорошо, — утешает меня доктор Соломон, убирая руку с моего плеча.

Я поднимаю на него глаза, киваю.

Молчу, потому что если открою рот, могу ляпнуть, что у меня будет не просто все хорошо — у меня все будет отлично, превосходно.

А это не то, что следует говорить спустя несколько минут после того, как тебе сообщили о смерти родного отца. Тем не менее это — чистая правда. Впервые в жизни я могу со всей уверенностью заявить, что теперь у меня действительно все будет замечательно.

ГЛАВА 1

Мия

Восемь месяцев спустя...

(махнув с лица прядь волос и отложив моток клейкой ленты, я обвожу взглядом громоздящиеся вокруг меня коробки. Последние несколько дней я упаковывала вещи Оливера, которые собираюсь отдать в магазин «Добрая воля»¹. С того дня, как он скончался от сердечного приступа, прошло уже восемь месяцев, но, уверяю вас, я не избавлялась от его вещей не из сентиментальности. Просто оттягивала неприятный момент, не желая приближаться ни к чему, что ему принадлежало. Теперь дом, выставленный на продажу полгода назад, наконец-то нашел своего покупателя, потому и от всего остального пора освободиться.

Я не скорблю. Вообще ничего не чувствую. Разве что облегчение от того, что его больше нет, и еще — опустошенность, будто во мне разверзлась огромная черная дыра. Это ощущение не покидает меня с того самого мгновения, как я узнала о его смерти.

¹ *Goodwill Industries store* — сеть магазинов «Добрая воля». В этих магазинах можно купить подержанные вещи по символической цене. Вещи жертвует население, выручка идет на благотворительные цели. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Забавно, да, что он умер от инфаркта? Ирония судьбы. Великий Оливер Монро, всеми уважаемый и почитаемый кардиохирург, умирает от сердечного приступа.

Мне хочется думать, что это — Божья кара.

Единственный человек, который мог бы его спасти, — это он сам. Может быть, возмездие в конечном итоге настигает тех, кто заслуживает наказания. Мне необходимо в это верить, только эта вера и дает мне силы жить.

Знаете, как говорят — «надо бы хуже, да некуда». Это как раз про меня. Но в моем случае, пожалуй, так: «чуть полегче, но все равно дерьмо».

Я выехала из своего дома, хотя какой это мой дом — насмешка одна. Домом зовется место, где ты чувствуешь себя в безопасности, а я в этом доме в безопасности себя не чувствовала ни секунды.

Однажды ночью я пробудилась от кошмарного сна — в панике, охваченная ужасом. Думала, Оливер идет за мной, а потом вдруг поняла, что я больше не в западне, что могу спокойно покинуть этот дом — воплощение моих кошмаров.

На следующий день я выставила дом на продажу и купила себе квартиру близ колледжа, где училась, и неподалеку от жилища моего парня Форбса.

Мы начали встречаться через месяц после кончины Оливера.

Как только я наконец озознала, что освободилась от своего отца, я слегка распоясалась. В моем понимании. Стала посещать бары — то, чего прежде мне никогда не дозволялось.

Я толком не знала, что ищу или что надеюсь найти... но именно тогда я нашла Форбса.

Или, может быть, он меня нашел.

Мы познакомились в баре. Он подошел ко мне и предложил меня угостить. Он был само очарование. Я была польщена. Таким вниманием, как Форбс

в тот вечер, меня еще никто не удостаивал. Кажется, он ловит каждое мое слово.

Я окунулась в него, словно в бочку с жидким шоколадом, а позже выяснилось, что Форбс скорее сродни зыбучим пескам.

Наши свидания быстро переросли в близость. Форбс стал моим любовником.

Моим первым любовником.

Впервые стал для меня всем.

Я была счастлива. Упивалась своим счастьем.

Это быстро прошло.

Четыре месяца назад, когда Форбс в пылу спора ударил меня наотмашь, я поняла, что связалась с точно таким же человеком, каким был мой отец.

Сама удивляюсь, как я сразу его не раскусила, ведь Форбс — просто копия Оливера. Только отец мой был врачом, а Форбс становится преуспевающим адвокатом.

Его все любят. Он до неприличия красив. Умен. Обаятелен. Знакомый типаж, да?

Я должна была мгновенно догадаться, что за закрытыми дверями он будет проявлять те же качества, которые были присущи моему отцу.

Бессердечие. Жестокость — в физическом плане и эмоциональном.

Почему я с ним не порываю?

Потому что других отношений не знаю.

Никогда не знала.

Меня, подобно пчеле, летящей на мед, влекло к такому человеку, как Форбс, потому что та жизнь, которую он предлагает, для меня привычна.

Легко быть ничтожеством для кого-то, а вот чтобы тебя ценили... добиться этого, пожалуй, гораздо труднее.

Я не напрашиваюсь на сочувствие. Моя жизнь такая, какая есть. И живу я так, как живу. Есть люди, которым гораздо хуже, чем мне. Например, дети,

которые голодают, становятся сиротами, умирают каждый божий день безо всяких на то причин или оснований. Так что да, я вполне способна стерпеть побои, которым порой подвергаюсь.

Убеждена, что у каждого свое восприятие боли и со своими страданиями каждый справляется по-своему, и если вам хочется жалеть себя, потому что вам выпала несчастливая карта, что ж — ваше право. Я вас судить не стану.

Я немало пролила слез, сетуя на свою горькую участь. Потом слезы иссякли, я расправила плечи и стала жить дальше.

Я живу так, как того заслуживаю. Это то, чему научил меня Оливер.

И у меня случаются светлые периоды. Маленькие лучики солнца в хмурый пасмурный день, когда Форбс позволяет мне вспомнить о том, почему меня влечет к нему.

Пока в следующий раз не разобьет мне губу или не сломает ребра.

Я не люблю Форбса. Говорю ему, что люблю, потому что он хочет это слышать, но не люблю.

Вначале думала, что люблю, но что я знала о любви? Откуда мне было знать, если мне никто никогда не показывал, что такое любовь? Не сразу и я поняла, что мои чувства к Форбсу — это не что иное как отражение моего отчаянного желания быть любимой.

На первых порах Форбс был нежен и заботлив, а я нуждалась в эмоциональной поддержке и потому, конечно же, млела от его внимания.

И все же один урок я усвоила: если в будущем мне выпадет счастье полюбить, я сумею отличить желаемое от действительного.

Хотя любви в своем будущем я не предвижу.

Мне суждено быть с Форбсом до скончания своих дней. А смерть моя не за горами. Один неосторожный удар, и я отправлюсь к своей матери.

Маму я никогда не знала. Она умерла, когда я была младенцем. Оливер о ней не говорил. Я никогда не видела ее фотографий: после ее смерти он избавился от всех следов маминого существования. Мне известно только, что звали ее Анной и что она погибла в автокатастрофе через четыре месяца после моего рождения.

Я часто задавалась вопросом: не потому ли Оливер так меня ненавидит? Ведь я жива, а ее нет, и я напоминаю ему о ней.

В своем воображении я представляла ее ангелом. Мысли о ней поддерживали меня на протяжении всех трудных лет, что я жила с Оливером. Я представляла, какой была бы моя жизнь, если бы мама была с нами. Неужели он так же относился бы ко мне? Будь он со мной жесток, она, я уверена, забрала бы меня с собой.

Я это точно знаю, потому что сама я именно так и поступила бы, а это, вероятно, досталось мне от нее. В Оливере не было ничего хорошего и порядочного, — значит, все свои добрые качества я унаследовала от мамы.

Мучимая жаждой, я спускаюсь по лестнице на кухню. Звук собственных голых ступней, шлепающих по плитке, пугает меня. Я поеживаюсь, стараюсь побороть страх.

Сделав глубокий вдох, закрываю глаза, заставляя себя успокоиться, затем иду дальше, стараясь ступать тихо. Прежде чем подойти к холодильнику, включаю телевизор, заполняя пространство шумом. Достāju из холодильника бутылку воды, откупориваю ее и прислоняюсь к столу.

На ягодице вибрирует мой мобильник.

Вытаскиваю телефон из кармана. Мне незачем смотреть на дисплей, проверяя, кто звонит. Это Форбс. Друзей у меня нет, во всяком случае, таких, которые могли бы мне звонить.

В детстве и в школе я сторонилась своих сверстников. Мне хотелось иметь друзей, очень хотелось, но из-за Оливера я никого не подпускала к себе. Это был бы неоправданный риск.

Со временем я превратилась в странного подростка. Стала замкнутой и нелюдимой.

После смерти Оливера я могла бы перестроиться, но не видела в том смысла, а когда познакомилась с Форбсом — тем паче. Он против того, чтобы у меня были подруги. Форбс любит быть хозяином положения, а контролировать меня легче, если мне не на кого положиться.

— Привет, — отвечаю я.

— Привет, детка. Долго тебе еще?

В хорошем настроении. Слава богу.

— Нет, не очень. Сейчас закончу на чердаке — и домой. Завтра останется только кабинет Оливера разобрать.

— Приехать к тебе сегодня?

Нет.

— Конечно. — Я постаралась придать голосу радостный трепет.

— Я скучал по тебе последние дни, — тихо говорит он в трубку.

— Я тоже по тебе скучала. — *Ничутьточки.*

— Вечером мы наверстаем упущенное.

О боже.

— Жду не дождусь.

— Прекрасно. Буду в восемь.

— Я приготовлю ужин.

— Я люблю тебя, Мия.

— Знаю. Я тоже тебя люблю. — *Я тебя ненавижу.*

Вздохнув, я повесила трубку, снова сунула телефон в карман и пошла на чердак.

— Привет. — Форбс заключает меня в объятия, окутывая запахами дорогого одеколона и дорогой хлопчатобумажной ткани.

Форбс очень хорош собой. Белокурые волосы, рост — шесть футов¹, спортивное телосложение — типичный молодой американец. Физически мы подходим друг другу. Я — блондинка, хрупкая, хотя Форбс часто говорит мне, что у меня избыточный вес. И невысокая ростом. Пять футов три дюйма², если точно. Что ставит меня в крайне невыгодное положение, когда у Форбса чешутся руки. Впрочем я никогда и не пыталась дать ему отпор. Оказывать сопротивление — значит еще больше вредить себе. Этот урок я давно усвоила.

Форбс наклоняется, смачно целует меня в губы. От него разит алкоголем. Значит, он пил.

У меня словно что-то ухнуло вниз в животе.

Вначале мне нравилось целоваться с Форбсом. Особенно если он не дышал на меня спиртным. Я помню, как мне не терпелось прикинуться к его губам. Теперь я думаю об этом с содроганием.

Впрочем, правда, не важно: Форбс заводится и без алкоголя. Просто, выпив, он заводится быстрее.

Форбс следует за мной на кухню, держа меня за руку, что на него не похоже. Обычно он не стремится к тактильности, когда мы наедине. Только на публике или когда хочет заняться сексом.

Я высвобождаю свои пальцы из его ладони, хватаю ручку кастрюли, чтобы помешать соус, кипящий на плите.

Хмурясь, Форбс отходит от меня, идет к холодильнику.

¹ 6 футов = 182,88 см.

² 5 футов 3 дюйма = 161,54 см.

Достаёт пиво, но мне не предлагает. Форбс считает, что женщины не должны пить пиво, особенно из бутылки. Говорит, леди это не подобает. Но я все равно пью, когда его нет рядом. Он думает, я держу пиво в холодильнике для него, и я его не разубеждаю.

Форбс подходит ко мне, присаживается рядом на стол. Я убавляю жар: соус должен потомиться. Я готовлю пасту «алла норма». Простое, но вкусное блюдо. Мне показала, как его делать, наша старая кухарка, миссис Кеннеди. Она учила меня готовить, когда Оливера не было поблизости. Я очень по ней скучала, когда она оставила нас. Оливер ее уволил, услышав однажды, как она спрашивает меня о синяках на моих руках.

— Я тут подумал, переберусь-ка я, пожалуй, сюда. — Слова Форбса выстреливают в воздух, как брызги раскаленного растительного масла, в которое попала вода.

Моя ладонь замирает на ручке кастрюли.

Нет. Нет. Нет.

— Как ты считаешь?

Мне следует очень осторожно подбирать выражения.

Сохраняя невозмутимый вид, я поворачиваюсь к нему.

— Мне казалось, тебе нравится жить в вашей мужской компании?

Форбс вместе с четырьмя своими приятелями снимает огромный дом, что находится в двух кварталах отсюда.

— Нравится, но там слишком шумно. Парни вечно устраивают вечеринки, а мне нужна тишина, чтобы работать. Ты же знаешь, как это бывает. Потому и живешь одна — чтоб тебе никто не мешал заниматься.

Вообще-то, не поэтому. Я живу одна, потому что у меня нет подруг. И я ни за что, никогда